

Л. Л. Карпова, Диалекты северного наречия удмуртского языка. Формирование и современное состояние. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ижевск 2018. 562 с.

6 июня 2018 года в Удмуртском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Людмилы Леонидовны Карповой «Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние». Работа выполнена в Удмуртском федеральном исследовательском центре Уральского отделения РАН. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор, член-корреспондент РАН С. А. Мызников (Санкт-Петербург), доктор филологических наук А. Н. Ракин (Сыктывкар), доктор филологических наук профессор Л. А. Абукаева (Йошкар-Ола).

Удмуртская диалектология за время своего развития добилась значительных результатов. Однако по отдельным направлениям наблюдается некоторое отставание. Например, в коми языкознании благодаря самоотверженному труду нескольких поколений ученых фронтальное изучение территориальных разновидностей языка завершилось еще в 70-е годы XX века. С 1966 года результаты исследований издавались в виде монографий по всем десяти коми диалектам. По десятому — вымскому — имеется даже две монографии. Одна, 1988 года издания, принадлежит перу Т. И. Жилиной, автор второй, 2014 года, В. А. Ляшев. Один из первых словарей по финно-угорским языкам России «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (составители Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева) увидел свет в 1961 году. Дополненное издание его в двух томах «Коми сёрнисикас кывчукёр» публиковалось в 2012 и 2014 гг. Кроме того, изданы текстовые материалы «Образцы коми-зырянской речи» (Сыктывкар 1971).

Конечно, современная удмуртская диалектология тоже не стоит на месте, свидетельством чему служит и

докторская диссертация Л. Л. Карповой, которая посвящена северному наречию удмуртского языка и представляет собой результат тридцатилетней работы автора по данной теме. Исследование имеет солидную материальную базу. Фактический материал собран автором в населенных пунктах восьми районов Удмуртской Республики и пяти районов Кировской области. Привлечен и материал из архивного фонда Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, а также записи студентов Удмуртского университета во время полевых практик.

Для реализации главной цели — комплексное описание фонетической системы и морфологического строя северного наречия удмуртского языка — ставятся и решаются следующие задачи: 1) изучение фонетики и морфологии северного наречия; 2) уточнение классификационных признаков северных диалектов, выявление их интегральных и дифференциальных черт по отношению друг к другу; 3) сопоставление исследуемых диалектов в аспекте сохранения/нивелирования диалектных различий; 4) установка тенденций в территориальном распространении фонетических и морфологических явлений в северных диалектах; 5) выявление сходных и отличительных признаков исследуемых диалектов в сопоставлении с другими территориальными разновидностями удмуртского языка, а также с соответствующими данными по коми языкам и некоторым другим финно-угорским языкам. Структура работы отвечает поставленной цели. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списков источников и использованной литературы, четырех приложений.

Во Введении обосновываются актуальность темы и научная новизна исследования, формулируются цели

и задачи, указаны источники эмпирического материала, методологические основы, подчеркивается теоретическая и практическая значимость полученных результатов, перечислены конференции и симпозиумы, где докладывались и обсуждались как промежуточные, так и окончательные результаты исследования.

Первая глава «Территориальные диалекты как объект лингвистических исследований» состоит из двух разделов и двух параграфов. В первом разделе «Диалектный язык в современной научной парадигме» излагаются основные положения теоретической диалектологии, разработанные лингвистами-русистами, в том числе Р. И. Аванесовым, который ввел в отечественное языкознание понятие «диалектный язык». Автор отмечает, что благодаря созданной этим ученым модели метаязыка появилась возможность построить любую диалектную систему максимального типа. Л. Л. Карпова описывает и разные подходы к трактовке понятия «диалектный язык». Сама она придерживается структурного подхода, который позволяет комплексно изучать территориальное распространение уровней языка, системно описывать диалекты в их связях и отношениях друг к другу. Во втором разделе «Диалектная система удмуртского языка» речь идет о том, что в процессе изучения удмуртских диалектов, которое началось в середине XIX века, наряду с выявлением их специфических особенностей ставился вопрос и о количестве территориальных разновидностей и критериях их классификации. В удмуртском языке было выделено более 10 диалектов. А во второй половине XX века установлены четыре наречия.

Современные исследователи при диалектном членении удмуртского языка, исходя из комплекса фонетических, морфологических и лексических особенностей, выделяют три наречия — северное, южное, бессермянское — и группу переходных срединных говоров. При учете и исторических факторов выделяются четыре наречия

(северное, южное, периферийно-южное, бессермянское) и группа срединных говоров. По мнению Л. Л. Карповой, эти два принципа классификации не противоречат друг другу.

Здесь же объясняются важнейшие термины, применяемые в диалектологии: наречие, диалект, говор, подговор, группа говоров, куст, диалектная зона. Что касается северного наречия, по классификации автора, его современная внутренняя иерархия выглядит следующим образом: три диалекта (нижнечепецкий, среднечепецкий, верхнечепецкий), в составе которых девять говоров: слободской и унинский (в нижнечепецком диалекте), ярский, юкаменский, глазовский, балезинский (в среднечепецком диалекте), зуринский, дебёсский, кезский (в верхнечепецком диалекте), четыре подговора: кожильский и понинский принадлежат глазовскому говору, собственно дебёсский и тыловый — дебёскому.

В первом параграфе третьего раздела излагается краткая история заселения Чепецкого бассейна и формирования на этой территории севернудмуртского наречия. Констатируется, что в настоящее время вместе с удмуртами здесь проживают русские, татары и бессермяне. Данная ситуация влияет на состояние языков этих этносоциальных групп. По мнению Л. Л. Карповой, значительное воздействие, особенно на лексическом уровне, северные удмуртские диалекты испытывают со стороны русского языка.

Первую главу завершает история изучения севернудмуртских диалектов. Фиксация отдельных слов и словосочетаний удмуртской народной речи началась в середине XVIII века, научное изучение диалектов — во второй половине XX века, оно связано с именами Ф. Видемана, Т. Г. Аминоффа, Б. Мункачи, Ю. Вихманна. Некоторые сведения по северным диалектам позже приводятся в работах отечественных этнографов и фольклористов. В послеоктябрьский период работа по этому направлению значительно активизировалась. С 1930-х годов пред-

принимаются экспедиционные обследования территориальных разновидностей удмуртского языка. Большую ценность представляют материалы лингвистических экспедиций 1929 года и фольклорно-лингвистических 1936 года. С середины XX столетия начинается монографическое исследование удмуртских диалектов. В последующие годы результаты исследований по северным диалектам оформлены в виде двух кандидатских диссертаций, одна из них Л. Л. Карповой, целого ряда научных статей и текстовых изданий в виде образцов диалектной речи отдельных говоров. Несмотря на это, Л. Л. Карпова считает, что северное наречие удмуртского языка вплоть до недавнего времени было недостаточно изучено.

Вторая глава «Сравнительная характеристика фонетики северноудмуртских диалектов» состоит из двух частей, посвященных вокализму и консонантизму.

Система вокализма северного наречия (7 фонем) количественно совпадает с удмуртским литературным языком. Одна из фонем (*ы*) отличается тем, что имеет кроме основного еще два варианта: *ь* — гласный среднего (средне-нижнего) подъема, *ы* — гласный верхнее-среднего (среднего) подъема средне-заднего ряда. Эти варианты, наряду с исходным, употребляются в говорах среднечепецкого диалекта. Возникновение вариантов фонемы *ы* объясняется влиянием соседнего бессермянского наречия. В данном разделе рассматривается также огубленный гласный звук верхнего подъема передне-среднего ряда *й*, который автору удалось выявить в речи отдельных носителей некоторых говоров среднечепецкого диалекта старшего поколения в позиции между или по соседству с палатальными согласными (*с'йс'* 'воск', *к'йз'* 'длинный', *к'йн'ан* 'теленки'), он употребляется вместо фонемы *у* других говоров и диалектов. Почему-то эта фонетическая единица, в отличие от вариантов фонемы *ы*, не включена в таблицу гласных звуков и объяснение данного факта от-

сутствует. Наряду с характеристикой отдельных фонем рассматриваются такие фонетические явления в области вокализма, как корреспонденция звуков, выпадение фонем, ассимиляция гласных и словесное ударение.

Консонантная система северного наречия состоит из 31 фонемы. Полностью она представлена в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, 30 согласных звуков употребляются в верхнечепецком. Автором установлено, что подавляющее большинство согласных совпадает с аналогичными фонемами удмуртского литературного языка, исключение составляет губно-губная щелевая сонорная *й*, которая встречается в соответствующих диалектах на месте *в*. Как утверждает Л. Л. Карпова, ей удалось обнаружить более 40 слов, в которых данная специфическая фонема занимает анлаутную позицию. К числу особенностей консонантов нижнечепецкого диалекта отнесено палатализованное произношение *з'* и *с'*, а также свистящее произношение общеудмуртских аффрикат *ч* и *ж*. Для консонантизма северного наречия характерны такие фонетические явления, как озвончение, палатализация, разные виды ассимиляции, выпадение фонем и др.

В начале третьей главы «Морфология знаменательных частей речи северноудмуртских диалектов в сравнительном аспекте» автор констатирует, что в удмуртском языкознании нет единого мнения о количестве частей речи — специалисты выделяют от 9 до 14. Диалектологи описывают 10 традиционно выделяемых ими частей речи. В рецензируемой работе рассматриваются шесть из них: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол и наречие. Относительно частей речи северного наречия сказано, что при рассмотрении каждой из них анализируются все основные грамматические категории независимо от того, отличаются они от соответствующих категорий большинства диалектов удмуртского языка или нет. При этом подчеркивается, что особое

внимание уделяется специфическим явлениям исследуемых диалектов.

Показателями множественного числа существительных являются *-ос* и *-йос*. Особенность северных диалектов в том, что формант *-йос* функционирует во множестве вариантов, потому что *й* ассимилируется предыдущими мягкими согласными основы. Падежная система среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов отличается наличием дополнительных локальных падежей с показателем *-н'*, появившихся путем слияния существительных с послелогом *дин'* 'у, около, при, возле'.

В работе анализируются категории степеней сравнения и степеней качества прилагательного. Специфичен в сравнительной степени нижнечепецких говоров суффикс *-жык*, отсутствующий в других северных диалектах. Возникновение данного способа образования прилагательных автор объясняет влиянием коми языков, где этот формант повсеместно распространен. В некоторых диалектах отмечается образование модератива с помощью суффикса *-алэс*, наряду с *-гэс*, *-гэм* и *-мыт*, используемых на всей территории северного наречия. От других диалектов удмуртского языка прилагательное северного наречия отличается формой интенсива, в составе которой функционируют слова-усилители *йун*, *л'экос*, *проч* 'очень, слишком, довольно, чрезвычайно'.

У имени числительного отмечают следующие особенности. В слободском говоре десятки от 40 до 90 обозначаются числительными с элементами *-дас/-гас* вместо *-дон/-тон* других диалектов. Вместо исконных слов в северных диалектах чаще используются русские числительные, особенно при обозначении времени, даты, возраста, денежных единиц и т. д.

Из 12 выделяемых в новейших исследованиях удмуртского языка рядов местоимений в рецензируемой работе рассматриваются 11: личные, усилительно-личные, взаимно-личные, счетно-личные, обобщительно-личные, притяжательные, указательные, вопро-

сительно-относительные, определительные, неопределенные, отрицательные. Послеложно-личные местоимения вслед за некоторыми удмуртскими исследователями Л. Л. Карпова считает наречиями. Севернорудмуртская система местоимений, по мнению автора, характеризуется различиями в фонетическом оформлении, а также структурными и функциональными особенностями. К последним относится употребление среднечепецкого и нижнечепецкого притяжательного местоимения *аслам* 'мой, наш' вместо *мынам* 'мой', *мил'ам* 'наш' других диалектов. На всей территории северного наречия в речи населения всех возрастных групп активно используются заимствования *с'акой* 'всякий', *любой* 'любой', *каждой* 'каждый'.

В разделе, посвященном морфологии глагола, рассматриваются категории лица и числа, наклонения, времени, залога, вида, категория притворной модальности, инфинитные формы — инфинитив, причастие, деепричастие. Автором установлено, что во всех диалектах северного наречия глаголы условного наклонения 2-го и 3-го лица единственного числа употребляются без личных показателей. По образованию опатива различаются нижнечепецкий диалект, с одной стороны, и среднечепецкий и верхнечепецкий, с другой. Образование видовых форм глаголов происходит по общеудмуртским моделям, отличия наблюдаются в продуктивности некоторых из них и в замене суффиксов. Исходя из анализа причастий и деепричастий, Л. Л. Карпова делает вывод, что эти инфинитные формы в северном наречии не имеют широкого употребления.

В последнем разделе третьей главы анализируются структурные типы, функционально-семантические ряды, степени сравнения и степени качества наречий. По мнению автора, специфику наречиям придает наречно-изобразительные слова с конечным *-ы*, характерные для среднечепецкого и верхнечепецкого диалектов, но отсутствующие в ниж-

нечепецком и других диалектах удмуртского языка, и наличие в составе севернудмуртских наречий только здесь употребляющихся слов типа *ус'сэ* 'послезавтра', *кал'* 'сейчас, теперь', *токма* 'зря, напрасно, попусту, бесполезно', *чэброс* 'осторожно'.

Выводы в заключительной части работы убедительны, они отражают суть проблем, рассмотренных в основных разделах. В качестве положительного момента следует отметить, что выводы завершают и каждую главу работы. Впечатляет библиографический список — 606 названий.

Большую ценность имеют приложения к диссертации, состоящие из трех карт, тридцати одной таблицы склонения существительных, прилагательных и местоимений, списка экспедиций автора, предпринятых с целью посещения различных территорий проживания северных удмуртов, образцов речи информантов. С помощью приложений значительно повышается степень наглядности рецензируемого исследования.

Встречаются в работе некоторые неточности и ошибки, а также моменты, которые вызывают вопросы. На с. 12 приводятся данные о количестве удмуртов (800), проживающих на территории распространения ниж-

нечепецкого диалекта. В связи с этим возникает вопрос, почему не приводятся соответствующие сведения по двум другим северным диалектам? На с. 151 говорится об озвончении первичных глухих согласных в интервокальном положении и в соседстве с сонорными, в числе других приводится пример: *пин' долгаз* (< *пин' долгаз*) 'набил оскомину', который не свидетельствует об озвончении. Сомнителен перевод примера на с. 275: *с'оназы пинайюсы* 'все мои дети', может быть, в соответствии с переводом должно быть *с'онамы пинайюсы*?

Ошибки и неточности легко устранимы и не снижают общей положительной оценки рецензируемого исследования. Работу Л. Л. Карповой следует по праву считать крупным вкладом в удмуртское и финно-угорское языкознание.

АНАТОЛИЙ РАКИН (Сыктывкар)

Address

Anatolij Rakin
Institute of Language, Literature and
History of the Komi Research Centre
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

ESTONIAN ACADEMY PUBLISHERS
SUBSCRIPTION INFORMATION FOR THE YEAR 2018

	INDEX	ISSN	SUBSCRIPTION PRICES (outside Estonia, including delivery)	
			EUR	
			single issue	year
Acta Historica Tallinnensia	78157	1406–2925	80	80
Estonian Journal of Archaeology	78158	1406–2933	40	80
Estonian Journal of Earth Sciences	78154	1736–4728	57.50	230
Linguistica Uralica	70880	0868–4731	32.50	130
Oil Shale	70236	0208–189X	32.50	130
Proceedings of the Estonian Academy of Sciences	78155	1736–6046	85	340
Trames	78153	1406–0922	32.50	130

Subscription orders should be sent to:

Estonian Academy Publishers, Kohtu 6, 10130 Tallinn, Estonia.
 Tel. (372) 6 454 106, fax (372) 6 466 026, e-mail asta@kirj.

Советское финно-угроведение — Linguistica Uralica I—X 1965—1974.
Gesamtregister. Сводные указатели, Tallinn 1995
Советское финно-угроведение — Linguistica Uralica XI—XX 1975—1984.
Gesamtregister. Сводные указатели, Tallinn 2000
http://www.kirj.ee/public/Gesamtregister_1965-1984.pdf

LINGUISTICA URALICA. SUPPLEMENTARY SERIES

Volume 1. Estonian Language, Tallinn 2003; Second Edition, Tallinn 2007

Volume 2. Ilse Lehiste, Pire Teras, Toomas Help, Pärtel Lippus, Einar Meister, Karl Pajusalu, Tiit-Rein Viits, Meadow Mari Prosody, Tallinn 2005.
http://www.kirj.ee/public/va_lu/Meadow%20Mari%20Prosody.pdf

Volume 3. Eberhard Winkler, Karl Pajusalu, Salis-livisches Wörterbuch, Tallinn 2009

Volume 4. Heinike Heinsoo, *Mā ja pūd lēvād, meid eb lē. The Subject and the Predicate in Votic, Tallinn 2010*